

V. О пользе перемены мест

А. Смирнов-Черкезов.

Переселенцы и экономисты.

Размышления над книгой.

1. Переселения, хозяйство, наука.
2. ... И пользе перемены мест.
3. Надо ли тревожиться?
4. Причины известны (*Ответ читателю*)
5. Мы едем, едем...
6. Обгоняя город.

ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ И ЭКОНОМИСТЫ*

*Размышляя над книгой***

Помните у Островского: «Куда и откуда?» «Из Вологды в Керчь-с, Геннадий Демьянович. А вы-с?» «Из Керчи в Вологду...» Наши современники не путешествуют пешком, поэтому редко встречаются и ведут такие диалоги. Но всякий день идут поезда из Керчи в Вологду, а навстречу им поезда из Вологды в Керчь, и в каждом есть актеры и неактеры, слесаря и неслесаря, инженеры и неинженеры, в общем, люди разных специальностей и разной судьбы.

Почему одни переезжают из Керчи в Вологду, а другие из Вологды в Керчь? И какой город выигрывает от таких переездов – Керчь или Вологда?

Вероятно, никому не покажутся простыми эти вопросы. Но все ли осознают, как важно получить на них ответ?

Между тем, без миграции населения, как называют ученые эти переселения людей с места на место, ни одна страна нормально развиваться не может. И наша страна тоже.

Наиболее очевидным доказательством тому служит миграция сельского населения в годы первых пятилеток. Если бы часть крестьян не покинула села и не переехала в города, на стройки, индустриализация страны оказалась бы невозможной.

Это пример положительного влияния миграции на прогресс в нашей стране. Ну, а как с миграцией сельского населения в города сегодня, когда мы озабочены развитием сельского хозяйства?

- Иногда в газетах я наталкиваюсь на абсолютно неверное понимание этого явления, - говорит Виктор Иванович Переведенцев. – И нынче миграцию сельского населения в города далеко не всегда нужно оценивать отрицательно. Все зависит от того, из каких сел переезжают люди и в какие города.

Виктор Иванович, кандидат экономических наук, работает в Лаборатории экономико-математических исследований (ЛЭМИ) Сибирского отделения Академии наук. Он и аспирантка Ж.А. Зайончковская изучают проблемы современной миграции населения.

* Литературная газета N 105, 4 сентября 1965 г.

** Имеются в виду работы: В.И. Переведенцев. «Современная миграция населения Западной Сибири». Новосибирск. 1965. Ж.А. Зайончковская, В.И. Переведенцев. «Современная миграция населения Красноярского края». Новосибирск. 1964.

Русская дореволюционная научная литература насчитывает сотни работ по миграции населения. В.И. Ленин посвятил несколько статей аграрному переселению в России. Важнейшие вопросы миграции населения он рассмотрел в классической работе «Развитие капитализма в России». В ответе своему критику П. Степанову В.И. Ленин писал: «...Экономист, который видит свою задачу в том, чтобы изучать особенности экономического строя и развития России (а не только в том, чтобы подробно цитировать, и зачастую не к месту цитировать, Маркса), необходимо должен поставить вопрос: какое именно влияние оказывают переселения в России?»

Увы, какое именно влияние оказывают переселения в России и во всем Союзе в наше время, при социализме, мы знаем плохо. Последние крупные работы по миграции населения, пишут Ж. Зайончковская и В. Переведенцев, вышли в двадцатых годах. С тех пор появилось несколько небольших статей по частным вопросам миграции населения в отдельных районах СССР. Иногда более, иногда менее подробно эти вопросы освещаются в работах по трудовым ресурсам и размещению производительных сил. Теперь вот вышли две книжки, указанные в сноске. И это в то время, когда ежегодно, как сообщил мне В.Переведенцев, в СССР переселяются на новые места миллионы людей!

Все встречные и перекрещивающиеся потоки миграции этих миллионов людей два научных работника, конечно, изучить не в состоянии. Но кое-что они все же сделали. Естественно, что сибирские ученые в первую очередь взялись за исследование миграции в Сибири и на Дальнем Востоке. Еще естественней, что они очень обеспокоены результатами своих исследований, тем фактом, что в последние годы население Сибири в общем увеличивается, но только за счет естественного прироста, а не за счет миграции.

- Как же так? – удивится, вероятно, читатель. – Все же знают о новых городах Сибири, о бурном росте ее промышленных центров. Откуда же взялось население таких, например, новых городов, как Братск, Дивногорск, Мирный? А сколько молодежи уехало на освоение целинных земель!

Однако за время с 1959 по 1963 год, то есть за пять лет, в Западную Сибирь, как подсчитал В. Переведенцев, приехало на 230 тысяч человек меньше, чем оттуда уехало. И население не только новых, но и старых промышленных городов Сибири, да и Дальнего Востока тоже, пополнялось в основном за счет тех же сибиряков и дальневосточников - сельских жителей. За эти пять лет из сел Западной Сибири мигрировало около пятнадцати процентов населения. К тому же, как показывает статистика, уезжают из села люди с относительно высоким уровнем образования и молодые. И это тогда, когда в Западной Сибири на одного колхозника приходится в два раза больше сельскохозяйственных угодий, чем в среднем по СССР, и в пять раз больше, чем в Белоруссии.

Таковы факты. Их в книгах, о которых речь, много.

Миграция населения может быть полезной нашему обществу, – В.И. Переведенцев называет ее общественно необходимой, – а может быть не только не полезной, но даже вредной.

Совершенно ясно, что общественно необходимую миграцию мы должны поощрять и развивать, а с вредной – бороться. И поощрять, и бороться, разумеется, мерами не административными, а организационными и экономическими.

Причин миграции много, но все они поддаются изучению. И классификации. Человек переехал к своим сородичам, чуваш к чувашам, грузин в Грузию – это причина этнографическая. Молодой человек уехал в город учиться – экономисты напишут: «культурный фактор». Уехал на целину по призыву комсомола – фактор моральный. Есть и другие причины, в том числе и такая, как охота к перемене мест, зуд непоседливости. Особого названия экономисты ей не дадут и запишут в графу прочих причин.

Но, конечно, главная из всех – причина экономическая.

Есть старая, избитая истина: «Рыба ищет, где глубже, человек – где лучше». А когда он ищет, где ему лучше, то взвешивает все: и климат, и работу, которую он может получить, и размер зарплаты, и длину очередей в магазинах, и возможности отдыха. Ну и, конечно, сравнивает квартиру тут и там.

Если климат в Сибири суровей, чем, скажем, в Молдавии, и человеку там приходится заводить теплую шубу, покупать больше мяса, а печь в доме топить не меньше семи месяцев в году, то это должно чем-то компенсироваться, коль скоро мы хотим, чтобы люди стремились не из Сибири, а, наоборот, в Сибирь. Если же люди охотней едут в обратном направлении, значит, такой компенсации нет.

В.И. Переведенцев в своей книге обосновал это точным языком цифр. В Западной Сибири заработная плата рабочих и служащих во всех отраслях народного хозяйства, кроме промышленности, ниже, чем в среднем по России. И жилой площади на человека приходится меньше, и благоустройство жилья хуже, и транспорт слабее, а стоит он дороже. Меньше также медицинских работников, больничных коек, мест в санаториях и домах отдыха. Каждый раз всего этого на какие-то проценты или даже доли процентов, однако В.И. Переведенцев имел полное право написать, что «по каждому отдельно взятому условию жизни, а тем более по их совокупности, Западная Сибирь в настоящее время существенно отстает от республики в целом. В первые годы освоения Сибири это отставание можно было понять и «оправдать». А сегодня?

Конечно, иного сибиряка озолоти, он не поедет в Молдавию. Но тот же сибиряк может переехать из села в город. А кто приедет на его место?

Яснее ясного, направлять потоки миграции, воздействовать на них необходимо экономическими мерами. А это значит, что их нужно планировать одновременно с планированием всего народного хозяйства.

Миграционные потоки, однако, важно не только стимулировать, но и организовать. Одним из главных элементов организации, очевидно, нужно считать хорошо поставленную информацию. Во-первых, необходимо иметь регулярную и полную по всему Союзу статистику миграций, чтобы не приходилось отдельным ученым-энтузиастам рыскать по городам и селам и копаться в архивах, как это они вынуждены делать сейчас, в поисках хотя бы выборочных сведений по отдельным районам. А во-вторых, нужна информация и самим переселенцам.

В старину были ходоки. Всем миром избирали двух-трех мудрых старичков и на общественные деньги отправляли в Сибирь на разведку. Казалось бы, архаический способ добычи информации, а, между прочим, надежный. Говорят, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Дореволюционные мужички хорошо это понимали, да и нынешний колхозник понимает не хуже.

А главное, если появились ходоки, значит, переезжать на новое место собралась большая партия людей. Это очень важно, чтобы переезжали именно большими партиями: несколько семей из одного села или рабочие всей бригадой. Есть у экономистов такой термин – «приживаемость». Так вот, приживаемость у коллективных переселенцев во много раз выше, чем у одиночек.

Вынуждать сегодня людей бродить по Сибири в поисках хороших мест или подходящей работы по примеру ходоков прошлого столетия, разумеется, не стоит. Тут тоже нужна какая-то организованность. Так кто же всем этим займется?

В республиках у нас существуют главные управления по переселению и оргнабору рабочих, комитеты по профтехобразованию. Есть и союзный Комитет по труду. По всей стране раскинута сеть их органов. Однако действуют они разобщенно, сообразуясь лишь со своими интересами, и, что хуже, иногда одни уничтожают плоды деятельности других.

Так, например, переселенческие органы тратят немало усилий и средств, чтобы переселить крестьянские семьи в сибирские села. А органы профтехобразования в тех же селах вербуют молодежь в городские училища.

Случаются и еще более явственные «неувязки». Государственные и общественные организации ежегодно направляют в восточные районы страны сотни тысяч квалифицированных работников, а многие западные предприятия и стройки переманивают их к себе, оплачивая проезд и подъемные. Графа «перевод по работе» из восточных районов в западные в статистических сводках никогда не остается пустой.

- Эта дорогостоящая неразбериха будет продолжаться до тех пор, пока мы не создадим специальной службы труда, которая работала бы, повинаясь единой научно обоснованной политике распределения и использования трудовых ресурсов, - говорит мне Виктор Иванович, развивая высказанные им в книге предложения. – Такая служба особенно необходима сейчас, когда к труду начинает приобщаться молодежь рождения первых послевоенных лет.

Как всем известно, после окончания Отечественной войны кривая рождаемости резко подскочила вверх. В ближайшие годы в промышленность и сельское хозяйство придет во много раз больше молодежи, чем приходило до сих пор. В правильном использовании этих новых молодых сил хорошо организованные потоки миграции могут сыграть решающую роль.

Я попытался изложить некоторые факты, почерпнутые из книг В.И. Переведенцева и Ж.А. Зайончковской, а также мысли Виктора Ивановича, а теперь позволю себе сказать несколько слов и от себя.

Нужна или не нужна специальная служба труда – не мне судить. Однако мне совершенно ясна важность изучения миграции населения в нашей стране. И не странно ли, что этим у нас занимаются единицы? Еще более странно, что экономисты из ВЦСПС, Госплана РСФСР, союзного Госплана к проблемам миграции проявляют так мало внимания. За три последних года ЛЭМИ направила в названные организации и учреждения немало докладных записок с результатами проведенных исследований, с конкретными предложениями, однако никаких решений пока не принято. А почему? Неужели все это так малозначительно?

ПЕРЕСЕЛЕНИЯ, ХОЗЯЙСТВО, НАУКА*

Где густо, где пусто...

Большинство взрослых жителей нашей страны, говорит статистика, хотя бы раз в жизни переселялись.

Ни в одной стране мира миграции населения не имеют такого размаха и значения, как в СССР. В 1926 году, например, горожанином был каждый шестой житель страны. А сегодня в городах живет более половины советских людей. Сформировались громадные сгустки городского населения в Центра, на Урале, в Донбассе, Кузбассе. В десятки раз увеличилось население многих окраинных областей (Мурманской, Камчатской и др.). Все это – результат миграции, неразрывно связанной с важнейшими хозяйственными процессами. Каждому ясно, что без переселений невозможно было бы осуществить индустриализацию страны и многое другое.

Однако я взялся за эту статью не для восхваления миграций. Успехи нашу тут несомненны. Однако как специалисту мне хорошо известны и серьезные недостатки в этом большом деле. Глубоко убежден, что рационализация миграционных процессов в значительной мере способствовала бы росту нашего народного хозяйства.

Не пытаясь объять необъятного, буду говорить о миграциях лишь в связи с размещением населения. От решения этой проблемы во многом зависят эффективное использование трудовых ресурсов страны, производительность общественного труда.

Хозяйственная реформа, провозглашенная в решениях сентябрьского Пленума ЦК (1965), приведет к более экономному использованию труда. Постоянного перераспределения рабочей силы требует и неуклонный технический прогресс в народном хозяйстве. Резко изменилась за последние годы и демографическая ситуация: в рабочий возраст вступает многочисленная молодежь, родившаяся после войны.

В проекте Директив XXIII съезда партии говорится: «Обеспечить рациональное использование трудовых ресурсов во всех районах страны, вовлечение в производство или на учебу молодежи и подростков, оканчивающих общеобразовательные школы; лучше использовать в течение всего года рабочую силу в деревне».

Задача эта огромной важности, решить ее непросто. Между тем, эффективной системы регулирования миграций в стране нет.

* Литературная газета N 30, 10 марта 1966 г.

Основной недостаток размещения населения, с экономической точки зрения, - это его неравномерность, это резкое несоответствие наличных трудовых ресурсов потребности в них в каждом данном месте.

Сильнее всего это несоответствие выражено в сельском хозяйстве. Так, в 1959 году в колхозах Грузинской ССР имеющиеся трудовые ресурсы в два раза превышали потребность, а в важнейших сельскохозяйственных районах страны – Казахстане и Западной Сибири – не хватало примерно одной трети необходимой рабочей силы.

Исчисляемый миллионами человек избыток трудовых ресурсов в сельских районах Украины, Белоруссии, Молдавии, Северного Кавказа, Закавказья и др. – одна из серьезных причин низкой производительности труда в сельском хозяйстве. Нехватка же людей на селе в других районах сдерживает там рост сельскохозяйственного производства.

Велики различия и в обеспеченности наших городов трудовыми ресурсами.

Недостаток рабочей силы сильно сдерживал до сих пор развитие хозяйства таких перспективных экономических районов, как Сибирь и Казахстан. Избыток трудовых ресурсов в ряде областей в западной части страны заставляет увеличивать там капитальные вложения в хозяйство, даже вопреки соображениям экономичности.

В начале семилетки в стране был составлен план межрайонного перераспределения населения. Намечалось, в частности, значительно пополнить население Сибири и извлечь избыточные трудовые ресурсы с Северного Кавказа.

Что же произошло на деле?

Проведенные нами на основе данных ЦСУ расчеты показывают, что за пять лет (1959-1963) из Сибири убыло на четверть миллиона человек больше, чем приехало туда, а на Северный Кавказ прибыло на полмиллиона больше, чем убыло. И это при условии, что в Сибирь из разных мест, в том числе и с Северного Кавказа, переселились сотни тысяч людей.

За эти же годы уменьшилось сельское население (иными словами, уход людей превысил естественный прирост) в ряде именно тех районов, где и так испытывался недостаток в рабочей силе. И, наоборот, - там, где и без того был избыток трудовых ресурсов, население сильно увеличилось.

В чем причины подобных явлений?

Переселения - явление строго закономерное, имеющее свои причины. Основная из них – желание переселенцев улучшить условия своей жизни. Конечно, переселиться человек может только туда, где у него будет возможность поучить средства к существованию. Поэтому потребность в дополнительной рабочей силе – непереносимое

условие притока населения в тот или иной район страны. Оговорюсь – это только основа, на которую накладывается много других сложно переплетенных факторов. Сказанное, разумеется, отнюдь не исключает и большого значения моральных факторов, например, в переселении молодежи в новые неосвоенные районы. Дело, однако, в том, что в устойчивом закреплении на новых местах факторы эти играют меньшую роль, чем в решении поехать в Сибирь или Казахстан.

Убыль населения из Сибири – результат того, что она по условиям жизни отстает от районов, куда это население ушло (Украина, Молдавия, Северный Кавказ, Прибалтика и др.).

Условия жизни в местах, где испытывается нехватка рабочих рук, должны быть лучше, чем там, где этих рук избыток. Переселенец должен чувствовать себя на новом месте не хуже, а лучше, чем на старом. Следовательно, чтобы регулировать перемещения людей в соответствии с требованиями народного хозяйства, нужна целенаправленная работа плановых органов по созданию правильных соотношений условий жизни в разных местах.

Переселенческие курьезы

Ведется ли такая работа? Как складываются эти соотношения? Как это ни странно для планового хозяйства, сколь-нибудь точного соотношения условий и – уже – уровней жизни населения разных районов никто толком не знает. Некоторые плановые показатели уровня жизни разрабатываются только по союзным республикам в целом. В новейшей научной литературе отмечалось, что «полностью отсутствуют среди плановых показателей, разрабатываемых по экономическим районам, такие, как реальные доходы, общественные фонды потребления, реальная заработная плата», то есть основные показатели уровня жизни, а также многие другие важные показатели.

Более того, разные отделы Госпланов работают без достаточной связи между собой. Один отдел планирует, например, вложения в жилищное строительство, другой – в строительную базу. В результате бывают случаи, когда вложения в строительство жилья нельзя освоить... не из чего просто строить.

Именно из-за недостатков работы плановых органов сложившееся ненормальное соотношение часто очень долго не исправляется. Приведу пример. Еще в начале 1960 года Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Академии наук СССР представил в Госплан РСФСР результаты анализа миграции населения Сибири с характеристикой причин ухода населения в западные районы и системой экономических мероприятий по предотвращению дальнейшего оттока

населения из Сибири. Выводов института никто не оспаривал. Но и никаких мер принято не было. Более того, за три последующих года Сибирь еще более отстала от других районов страны по жилищным условиям населения.

Это одна сторона дела. Но есть еще и другая. Кроме индивидуальных, существуют переселения организованные. Ими занимаются переселенческие органы, органы профтехобразования, министерства и ведомства, общественные организации, отдельные предприятия. Казалось бы, уж тут-то переселения происходят как надо, куда надо и откуда надо. При ближайшем рассмотрении, однако, обнаруживается, что действуют эти организации разрозненно, нередко в прямо противоположных направлениях.

Так, переселенческие органы направляют ежегодно в колхозы и совхозы Сибири многие тысячи семей переселенцев из западных районов. А органы профтехобразования прилагают немалые усилия, чтобы вовлечь в свои промышленные, транспортные и прочие училища молодежь из тех же колхозов и совхозов. Переселенческие органы и общественные организации западных районов направляют множество работников на стройки Сибири, а руководители многих строек и предприятий, расположенных в трудоизбыточных районах, приглашают работников... из Сибири, принимают их в порядке перевода (то есть с оплатой проезда и т.д.).

Наконец, отсутствие четкой миграционной политики приводит к форменным курьезам. Несколько лет назад на одном из крупнейших заводов Красноярска мне пришлось наблюдать такую картину. В отделе кадров один инспектор оформлял увольнения молодежи, направляемой по общественному призыву на работу в сельское хозяйство. Другой – здесь же, за соседним столом – оформлял поступление на работу молодежи, прибывшей из сел тех же районов, куда направлялись увольнявшиеся. Поступавшие, по существу, заменяли тех, кого направляли в село.

Неблагоприятные миграционные тенденции и недостаточное знание закономерностей миграции вызвали попытки регулировать перенаселения административно, путем ограничения прописки там, куда нежелателен наплыв населения. Начавшись с Москвы, эти меры распространились на многие большие города. Сегодня можно уже сказать, что они, к великому огорчению, не привели к ожидаемым результатам. Последствия оказались неожиданными. Наиболее ощутимо сказались они как раз на Москве. С одной стороны, при недостатке в ней рабочей силы пришлось принимать специальные решения и завозить в нее определенные категории работников (например, строителей). С другой, - многие десятки тысяч квалифицированных специалистов, не могущих использовать в Москве свои знания и опыт (агрономы, зоотехники, ветеринары, мелиораторы, лесоводы и т.д.) и нужных в других местах, не

выезжают из Москвы, ибо это означает невозможность вернуться. Перестали по той же причине выезжать из Москвы и пожилые люди, для которых московские условия отнюдь не идеальны. Видимо, есть необходимость оценить по достоинству полученные результаты, с тем чтобы перейти к более гибкой миграционной политике.

Нужно «глубокое бурение»

Наконец, дела научные. На первый взгляд может показаться, что здесь все благополучно.

В самом деле, за последние пять лет литературы по современной миграции издано несравненно больше, чем за предыдущее тридцатилетие. Проведено много научных совещаний с обстоятельным как будто бы обсуждением миграционных проблем. Изучением миграции занялись во многих местах.

Но приглядимся внимательнее. И мы увидим, что научной работой заняты, как правило, одиночки-энтузиасты, обычно загруженные и другой работой. Что в последние годы существенного научного продвижения вперед нет (это, кстати, правильно отметил писатель А. Смирнов-Черкезов в статье «Крайности Крайнего Севера», опубликованной в «Литературной газете» 28 декабря 1965 года). Что вновь приступающие к изучению миграции научные работники вынуждены повторить путь своих предшественников с самого начала, ибо методики изучения миграции населения не изданы (хотя давно разработаны). Что некоторые научные подразделения, которым следовало бы заниматься миграцией, почему-то свертываются (например, бывший Отдел трудовых ресурсов НИИ труда).

Все это, по моему глубокому убеждению, результат недооценки народнохозяйственной и социальной важности миграций, сложности их изучения.

Научная работа в одном отношении сходна с геологическим бурением – чем глубже уходит бур, тем бурить труднее. Очень часто первую тысячу метров сделать легче, чем следующие сто. А в изучении миграций сейчас нужно именно «глубокое бурение».

Назову только одну научную проблему, ожидающую своего решения. Сейчас миграции изучены главным образом качественно. Описаны миграционные явления. Установлены, описаны и классифицированы факторы переселений. Известно, в каком направлении каждый из них действует. Известно и относительное значение важнейших из них. Описаны некоторые последствия миграций. Но ведь для эффективного управления миграцией надо знать меру влияния каждого из важнейших факторов. Установить эту меру можно только трудоемкой совместной работой демографов и математиков, при широком участии нашей статистики.

Вспоминаются 20-е годы. Вскоре после революции в стране был создан специальный Государственный колонизационный институт, который, если судить по печатным материалам, провел большую работу по изучению миграций и условий заселения Севера, Сибири и других районов.

В последние годы научная общественность неоднократно высказывалась за то, чтобы все работы по миграции населения возглавлялись и координировались единым центром.

Заканчивая, выделю самое основное. Для оптимизации миграционных процессов прежде всего нужно разработать научно обоснованный комплекс экономических и организационных мер и создать единую систему органов учета, распределения, высвобождения и перераспределения трудовых ресурсов. Эти предложения не новы. Их реализация, видимо, потребует определенных усилий. Однако нет никакого сомнения в том, что экономические результаты этих мероприятий быстро и многократно окупятся.

...И ПОЛЬЗЕ ПЕРЕМЕНЫ МЕСТ*

(В рубрике: «Миграция населения: два взгляда на одну проблему»)

У каждой медали — две стороны. И. Ачильдиев увидел и показал интересную сторону перемещения населения. Но это, я бы сказал, экзотика и патология миграции. То, о чем говорится в его заметках, прямо касается лишь очень незначительной доли тех, кто меняет места своего жительства. Я совсем не хочу сказать, что это неважно. Речь ведь идет о людях, о многих тысячах людей... Однако еще более важно, мне кажется, понять явление в целом. Ведь и патология может быть правильно понята только на фоне нормы.

Масштабы миграции населения в СССР огромны. Так, в 1967 году из одних городов в другие переехало 5,5 миллиона человек, из сел в города — 3,1 миллиона! Из городов в села — 1,5 миллиона. Итого, следовательно, более 10 миллионов.

Однако хорошо это или плохо? Какое вообще значение имеет миграция для нашего общества? Вредна она для него или полезна?

Возьмем прежде всего экономическую сторону дела. Городское население СССР за 42 года, начиная с 1927-го, увеличилось более чем в пять раз, и это прямой результат миграции. Но попробуйте представить себе наше экономическое развитие без роста городов! Массовое перемещение сельских жителей в промышленные центры было необходимым условием индустриализации.

Благодаря тому, что население наше очень подвижно, что миллионы молодых людей во имя высоких общенародных целей готовы по первому зову поехать в необжитые, холодные края, мы заселили Дальний Восток и Крайний Север. А это дало возможность использовать в народном хозяйстве колоссальные природные ресурсы этих районов. Золото Чукотки и алмазы Якутии, нефть Среднего Приобья и Мангышлака, хлопок Голодной степи — все это не было бы возможно без миграции. За 10 лет население Ханты-Мансийского национального округа увеличилось с 124 до 289 тысяч человек (в 2,3 раза), Чукотского национального округа — с 47 до 104 тысяч (в 2,2 раза).

* Литературная газета № 51, 17 декабря 1969 г.

В.И. Переведенцев полемизирует с И. Ачильдиевым, статья которого «О пользе оседлой жизни» опубликована в той же рубрике данного номера «ЛП».

За минувшее десятилетие число горожан у нас увеличилось более чем на 34 миллиона человек, число же сельских жителей уменьшилось на 4 миллиона. При этом особенно быстро росло население в больших и сверхбольших городах.

Нуждались ли города в столь значительном приросте людей? Безусловно!

И в настоящее время некоторые индустриальные центры испытывают сильный недостаток трудовых ресурсов. Только в городах РСФСР не хватает миллиона рабочих рук.

Мы уже говорили, что население деревни уменьшилось на 4 миллиона человек. Однако миграция не везде одинакова. Уменьшение числа сельских жителей произошло лишь в шести союзных республиках из пятнадцати: в России (на 13 процентов), Белоруссии, Эстонии и Латвии (на 9 процентов), Украине (на 7 процентов) и Литве (на 3 процента). В других же шести республиках сельское население, наоборот, сильно увеличилось: в Казахстане — на 25 процентов, Азербайджане — на 29, Киргизии и Туркмении — на 30, Таджикистане — на 33, Узбекистане — на 35 процентов.

В разных частях громадной Российской Федерации положение тоже различно. Сильнее всего число сельских жителей уменьшилось в Центральном и Волго-Вятском районах — на 21 процент в каждом, на Северо-Западе — на 20 процентов, в Западной Сибири и Центрально-Черноземном районе — на 14 процентов. А вот на Северном Кавказе сельское население увеличилось.

Да, в ряде районов людей в деревне явно не хватает. Но из 70 областей и краев РСФСР в 1965 году только 25 испытывали недостаток в сельских трудовых ресурсах. Но одновременно в той же России были и трудоизбыточные районы: Центрально-Черноземный и Волго-Вятский. Особенно велики избытки рабочих рук в национальных союзных республиках. Так, в 1959 году в колхозах Киргизии было на 22 процента колхозников больше, чем требовалось хозяйству, в Литве — на 25 процентов больше, на Украине и в Молдавии — на 28, в Белоруссии — на 42, а в Грузии — даже на 99 процентов, то есть в два раза больше!

В 1965 г. трудоспособный колхозник отработал в общественном хозяйстве: на Северо-Западе 261 рабочий день, на Украине — 188 дней, в Армении — 174, Таджикистане — 173, Азербайджане — 163, Молдавии — 153, Грузии — 135 рабочих дней. Причем на Украине и в Молдавии колхозник в 1965 году работал на 10 дней меньше, чем в 1959 году, а в Грузии — на 13 дней меньше.

Пока что в сельском хозяйстве страны занято, по данным ЦСУ, 29 процентов всех трудовых ресурсов страны. Это больше, чем в других экономически развитых странах мира.

Следовательно, считать, что из сел в города ушло слишком много народа, нет никаких оснований. Другое дело, что люди покидают главным образом такие места, где рабочей силы и без того не хватает, а вот из некоторых трудоизбыточных районов почти нет оттока. Но это свидетельствует только об одном: необходимо продуманно регулировать миграцию.

А теперь — о второй стороне проблемы. Если попытаться выделить в статье И. Ачильдиева главное, то его можно сформулировать примерно так: «Переселения затрудняют развитие личности», или даже: «Переселения разрушают личность».

Я убежден в полной ошибочности такого утверждения. Больше того, готов доказывать, что переселения если не формируют личность, то, во всяком случае, способствуют ее формированию и развитию, в большинстве случаев — обогащают и развивают людей.

Каждое переселение означает перемену житейской среды. На новом месте человек должен приспособиться к новым условиям. Процесс адаптации требует часто большой и трудной душевной работы. Не всем она оказывается по силам, но в ней личность растет, мужает. Человек делается тверже, увереннее, гибче, одним словом, развитее. Потом каждая новая смена места жительства будет даваться ему легче; он будет приобретать все больший житейский опыт — то, чего не заменить ничем другим: ни умными книгами, ни чужим опытом, ни инструкциями. Человек будет становиться все более житейски мудрым, все более социально зрелым. Полагаю, социальный инфантилизм — болезнь чаще всего тех, кто находился в однообразной и узкой житейской среде.

Обратим внимание и на такую сторону. Человек, во многих местах бывавший, со многими людьми сталкивавшийся, живший в разной социальной среде, как правило, более терпим, более человечен. Пресловутая «нетерпимость юности» — не признак ли это малой социальной опытности, не показатель ли того, что человек усвоил и знает лишь один «образец»?..

Значит ли это, что чем чаще человек переселяется, тем лучше? Совсем нет. В каждом деле есть, говоря языком древних, «золотая середина», или «оптимум», как принято говорить сейчас. От пожилых людей мне приходилось слышать, что, по их опыту, зрелому человеку полезно менять обстановку своей жизни — место проживания, место работы — раз в пять-шесть лет.

Поскольку миграция населения играет в жизни общества очень важную роль, следует, повторяем, целенаправленно и эффективно ее регулировать. А для этого необходимо знать закономерности миграционных процессов.

За последние десять лет в этом отношении сделано много больше, чем за прошлые тридцать. Нам известно, конечно, далеко не все. Не вполне ясны, например, причины очень низкой подвижности сельского населения ряда союзных республик. И все-таки основные закономерности миграции изучены достаточно хорошо для практических целей.

Ведущую роль играют меры экономического характера. В чем они заключаются? В том прежде всего, чтобы создать и постоянно поддерживать оптимальное соотношение уровней жизни в разных местах. Говоря проще, одинаковые люди (по полу, возрасту, профессии, квалификации и т. д.) в местах с недостатком рабочей силы должны жить лучше, чем в местах с избытком трудовых ресурсов. Этого, к сожалению, пока нет, и именно в этом причина некоторых нежелательных миграций, например, ухода населения Сибири в Среднюю Азию или на Украину. Попытки привлечь людей в районы с относительно низким уровнем жизни из мест, где уровень жизни выше, не могут быть успешными. Именно поэтому за 10 последних лет из Сибири уехало на 730 тысяч человек больше, чем прибыло в нее. В последние годы сделаны важные шаги для более рационального соотношения уровней жизни в разных местах. Так, в начале 1968 года увеличены так называемые «северные льготы». В конце того же года установлены районные коэффициенты к заработной плате для всех трудящихся Дальнего Востока.

Однако дело часто не столько в номинальной заработной плате, сколько в возможностях ее реализации. Поэтому не менее важны и такие меры, как снабжение населения продовольственными и промышленными товарами, лучшее обеспечение жильем в тех местах, где не хватает людей.

Создавая условия для нужной обществу миграции населения, следует тщательно учитывать и местные, в частности национальные особенности. Приведу один пример. Для жителей Средней Азии характерны очень большие семьи. Так, по переписи 1959 года, у русского городского населения только 1 процент семей состоял из восьми и более человек, а у горожан-узбеков — 12 процентов, у таджиков — даже 14 процентов. Может ли семья из восьми, десяти и более человек нормально жить в двух-, трехкомнатной квартире? Однако состав вновь вводимого жилого фонда в городах Средней Азии примерно такой же, как и в Центральной России, — с резким преобладанием малометражных, малокомнатных квартир. Ясно, что такая градостроительная практика отнюдь не способствует перемещению избыточного сельского населения Средней Азии в города.

И еще одно. Нередко, рассуждая о причинах переселений, ставят такую дилемму: «Для себя или для общества». Одни, дескать, едут решать свои личные проблемы, другие исходят прежде всего из интересов производства. Не удержался от этого и И. Ачильдиев. По-моему, это ложная дилемма. У специалистов давно общепризнано, что нельзя эффективно управлять миграцией, не учитывая личных интересов людей. А когда на практике это все же пытаются делать, результаты бывают плачевны: громадная текучесть кадров, их отток в трудоизбыточные районы и т. д.

Отношения людей в социалистическом обществе таковы, что имеются все объективные возможности для создания эффективной — более того, оптимальной! — системы регулирования миграции.

НАДО ЛИ ТРЕВОЖИТЬСЯ?*

(В рубрике: «ЛГ» о причинах и тенденциях сельской миграции»).

Прежде всего, о тревоге. Я убежден, что **в уходе молодежи из села** в город ничего опасного в целом нет. Тревога тут ложная.

За 11 лет между переписями населения 1959 и 1970 годов городское население СССР выросло на 36 миллионов человек. Более 21 миллиона дала деревня. Представим себе на минуту, что этого оттока из села не было бы. Разве был бы при этом возможен тот рост промышленности и всех вообще «городских» отраслей народного хозяйства, которого мы достигли?

Тревожен не уход молодежи в город, а чрезмерный уход в одних местах и почти полная неподвижность – в других. Город – «не резиновый». Уйти в него может столько людей, сколько найдет в нем занятия, получит средства к существованию. И если почти не идет в города сельская молодежь южных районов страны, места в городах займут выходцы из деревень центральных областей РСФСР или, скажем, Сибири. То есть тех районов, где работников в селе не хватает, где неблагоприятна возрастная структура деревенского населения, где недостаток молодежи отрицательно сказывается на социальной жизни села. Деревня же в целом, несомненно, трудоизбыточна. В ряде западных и южных районов, именно тех, где сельская молодежь малоподвижна, есть районы и области, в которых трудоспособный колхозник работает менее 150 дней в году и даже не более 100. Кстати, за 11 лет, между переписями 1959 и 1970 годов, численность сельского населения страны почти не уменьшилась. Сельских жителей стало меньше в шести союзных республиках и больше – в девяти. Число сельских жителей уменьшилось во всех прибалтийских республиках, Белоруссии, на Украине и в РСФСР. Причем в десяти центральных областях России – сюда входит и Рязанская, о которой пишет Л. Тимофеев, - число сельских жителей уменьшилось более чем на 25 процентов.

Конечно, знать, «какой жизни ищет молодой человек, когда он уходит из деревни в год», надо. Хотя бы для того, чтобы успешно регулировать миграционные процессы. Но не только для этого.

Люди всегда искали «где лучше». А вот представления о лучшем в разные времена были неодинаковы. И в последнее время они обновляются особенно, поскольку быстро

* Литературная газета N 40, 29 сентября 1971 г.

меняются условия жизни, поскольку, в частности, село ускоренно приближается по материальному уровню жизни к городу.

Что влечет молодого человека в город? Будем откровенны: лучшие условия жизни. Но это общие слова. А конкретно? Конкретные же факторы так сложно переплетены, что выделить главные не всегда удастся. Поэтому одни исследователи считают, что главное – в различиях доходов, другие на первое место ставят условия труда, возможности для творчества, третьи особое значение придают условиям культурной жизни.

Что же считают главным сами переселенцы? Наиболее массовое и наилучшее, на мой взгляд, обследование провели новосибирские социологи. Результаты были такими: «на первом месте среди мотивов миграции сельского населения в города стояло стремление повысить материальный уровень жизни», на втором – «стремление продолжать учебу», на третьем – просто «стремление жить в городе», на четвертом – «стремление приобрести профессию». Понятно, думаю, что в желании приобрести профессию материальные соображения играют далеко не последнюю роль.

Подавляющее большинство переселенцев получает значительную прибавку в заработке по сравнению с жителем деревни. Даже среди тех, кто прожил в городе не более трех лет, свыше 40 процентов получили прибавку, превышающую 50 рублей в месяц!

При этом хотя в последние годы уровень жизни сельского населения повышался значительно быстрее, чем у горожан, однако существенные различия в доходах все еще сохраняются. В 1969 году средняя заработная плата в промышленности составила 128 рублей в месяц, а в сельском хозяйстве – 93 рубля. Правда, сельские жители имеют подсобное хозяйство, но ведь оно, как справедливо пишет **Л. Тимофеев**^{**}, «требует забот, которые горожанину вовсе не знакомы». И не только забот, а громадного труда, съедающего время колхозника. К сожалению, это часто забывается при рассуждении о сравнительном благосостоянии городского рабочего и колхозника.

Теперь о других мотивах миграции, названных самими переселенцами. Сопоставления особенно плодотворны тогда, когда сравнивается наиболее массовое, типичное. Масловы–городские у Л. Тимофеева, на мой взгляд, типичны, а вот Масловы–сельские – не очень. Да, именно так, как показано у Л. Тимофеева, чаще всего входят в город вчерашние сельские жители. Главные «ворота в город» - строительство. В частности, потому, что коренные горожане в строительстве работают редко – они легче, чем сельские жители, находят другое занятие. Кроме строительства, для выходцев из села есть еще неквалифицированная работа в промышленности, в сфере обслуживания и, конечно, учебные заведения разных типов и уровней – от ремесленных училищ до

^{**} Статья Л. Тимофеева «Масловы – на селе и в городе» опубликована в том же номере «ЛГ».

институтов и университетов. Это, конечно, только начало «городского пути» бывших сельских жителей. Если заглянуть в картотеки отделов кадров наших предприятий, то бывших сельских жителей можно найти на всех ступенях производственной лестницы – вплоть до директоров и главных инженеров. Это – свидетельство громадных возможностей для переселенцев в городе.

В основе стремления сельской молодежи в город лежат объективные различия в условиях жизни. Однако на этом объективном основании вырабатываются определенные представления, которые начинают играть самостоятельную роль. «Переломить» массовые настроения нелегко, даже когда село по комплексу условий жизни сравнивается с городом. Поэтому, по-моему, важно всячески стимулировать переход в города сельской молодежи в тех республиках и районах, где деревня трудоизбыточна.

Я не буду здесь перечислять конкретные меры такого стимулирования. Убежден лишь, что сделать для этого можно очень много: от значительно более полного учета условий – климатических, национальных, демографических – в жилищном строительстве в городах до обучения городским профессиям непосредственно в селах.

Еще больше можно сделать для облегчения новым горожанам адаптации в городе. Адаптационный (приспособительный) период длится обычно 3-5 лет. Городской образ жизни очень сильно отличается от сельского. Создать условия, способствующие быстрому и успешному освоению городских «норм» жизни для этой молодежи, - дело исключительно важное. Тут поистине непочатый край работы для социологов, социальных психологов, демографов, этнографов.

ПРИЧИНЫ ИЗВЕСТНЫ*

(Ответ читателю)

Сибиряк И. Половинкин говорит об очень серьезной проблеме. И задает серьезные вопросы.

Как это ни грустно, миграционные потери Западной Сибири так велики, что число ее жителей действительно стало меньше.

Правда, я никак не могу согласиться с И. Половинкиным, что отток возник «вдруг», где-то после 1967 года. Совсем не вдруг. Из Сибири постоянно больше народа уезжает, чем прибывает туда. За одиннадцать лет, между переписями населения 1959 и 1970 годов, миграционные потери Западной Сибири составили 788 тысяч человек, Восточной — 136 тысяч. То есть из Сибири за это время выехало на 924 тысячи человек больше, чем прибыло в нее. А ведь в эти годы усиленно осваивались нефтяные районы Западной Сибири, куда, естественно, приехало много новоселов!..

Нет сомнения — с народнохозяйственной точки зрения это плохо. Отток населения не позволяет развивать хозяйство Западной Сибири преимущественными темпами, как это намечалось. Экономика страны много от этого теряет.

Однако причины ухода населения из Сибири давно и хорошо известны. Сами сибиряки в этом детально разобрались. Миграция сибирского населения с 1959 года непрерывно изучалась в Институте экономики Сибирского отделения Академии наук.

Все дело — в отставании Сибири от западных и южных районов страны по условиям жизни.

Условия жизни — понятие сложное. Сюда входят и заработки, и снабжение, и качество жилищ, и проблемы труда, и климат, и возможность получения образования, и многое другое.

По стране в целом число уходящих из села равно числу тех, кто прибывает в города. А вот по отдельным районам это не так. Сейчас во многих районах России, Украины, Белоруссии, Прибалтики сельская молодежь стремится переселиться в города. Желаящих стать горожанами гораздо больше, чем города могут принять. Но горожане Западной Сибири, переезжающие в другие районы — на Украину, Северный Кавказ, в Казахстан, Среднюю Азию и т. д., — имеют во многих отношениях преимущества перед переселенцами из села. У них, как правило, есть профессия, а часто — и довольно-таки высокая квалификация. По этим причинам сибирским горожанам относительно легко

* 1971г. (?) Отпечатано по гранкам. Номер газеты пока не установлен.

устроиться на работу в любом месте. Кузнецкого шахтера с удовольствием примут на донецкую шахту, а новосибирского токаря — на машиностроительный завод в Ташкенте, в то время как деревенскому пареньку в тех же городах занятие найдется не всегда.

Сибирский горожанин уедет в город, на запад или на юг, а на его место придет человек из местного, сибирского села. Так вот и уменьшается число сибиряков...

Обратим внимание и на такую сторону. Сибиряк более склонен к переселениям, чем житель западных, а тем более южных районов. Сказываются привычка, навык, психологический настрой. У большинства молодых сибиряков деды и прадеды пришли «из России», как говорят в Сибири, то есть из-за Урала. Население Сибири всегда было много подвижнее жителей других районов. Сибиряк воспринимает переселение как черту «нормального» образа жизни, как явление обыденное, бытовое. Надо ли доказывать, что совсем иначе относятся к переселениям те, у кого предки с незапамятных времен живут в одном месте! Уже по одному этому сибиряку куда легче оказаться на Украине, чем украинцу в Сибири.

Многие считают, что в уходе населения из Сибири повинен климат. Если говорить о коренных сибиряках, которые сотнями тысяч покидают сейчас Сибирь, то это едва ли так. Коренной сибиряк свой суровый, здоровый континентальный климат очень даже ценит. Мне не раз случалось слышать: «У вас, в России, климат гнилой. То ли дело в Сибири, уж если лето — то жара, если зима — мороз!» Вообще, как я сумел заметить, люди склонны считать лучшим климат (и природу вообще) того места, где родились и выросли.

Но, с другой стороны, едва ли можно спорить и с тем, что сибиряку куда легче привыкнуть к украинскому климату, чем украинцу — к сибирскому.

Да к тому же и «шубы не надо», то есть при переселении на Украину многое из одежды можно продать. А при переселении с Украины надо то же самое дополнительно купить.

Может быть, еще важнее косвенное влияние климата. «Да какая же тут жизнь! Тут и яблока сроду не увидишь, не то что винограда!» — так говорила мне кубанская казачка, собиравшаяся возвратиться в родные места.

Я должен согласиться с И. Половинкиным в том, что важная причина оттока населения из Сибири — малонаселенность, малолюдье. Не единственная, конечно, причина, но одна из главных. Да, именно от малолюдства — классическое сибирское бездорожье, вообще слабая развитость инфраструктуры. И я не думаю, что с бездорожьем в Сибири удастся скоро и легко покончить. Одно дело — строить дороги там, где на квадратный километр приходится сто и более человек, совсем иное — там, где два-три человека, а то и «доля» человека. А нет дорог — и вся остальная жизнь не та. Сколько

дополнительных трудностей и неприятностей возникало у сибирских нефтяников, которые были вынуждены осваивать месторождения Приобья до постройки железной дороги!

Все бóльшую важность приобретает отставание Сибири от западных районов по условиям отдыха, проведению очередных отпусков. Многие сибиряки отдыхают на Кавказе, в Крыму, в Прибалтике. Но ведь это лишних сто рублей на дорогу самолетом или 4—6 лишних дней на дорогу поездом по сравнению, например, с жителями центральных районов.

Сибирь совсем не обижена природными условиями отдыха. Есть и прекрасные источники, и замечательные горы, и очаровательные озера. Но ведь кроме горных красот — а Алтай или Саяны не уступят ни Кавказу, ни Крымским горам, ни Карпатам! — нужны еще питание, крыша над головой, культурное обслуживание и т. д., а все это в громадном дефиците. Летний отдых стал явлением массовым, становится, пожалуй, явлением необходимым, обязательным. И сибиряку он нужен не меньше, чем любому другому.

Громадное значение имеют, разумеется, различия в условиях труда в Сибири и других районах. В Сибири резко повышена доля добывающих отраслей промышленности, работа в которых, несомненно, тяжелее, чем в обрабатывающих отраслях. Значительная часть сибирских предприятий была построена в годы войны. Понятно, что в те времена забота об условиях труда была не та, что ныне; военное наследие в известной мере сказывается до сих пор.

Некоторые особенности Сибири позволяют просто и дешево создать ее жителям определенные преимущества. В Сибири много дешевой электроэнергии; иной раз ее бывает некуда девать, предприятия-потребители входят в строй с отставанием от электростанций. Казалось бы, в Сибири должны были бы преимущественно применяться электрические плиты, тем более что газовых почти нет. А много ли их? Очень мало. А ведь полностью электрифицированная кухня — это громаднейшее удобство, скорость домашних работ, чистота. Но пока большое число сибирских горожан вынуждены пользоваться угольной плитой.

Причины оттока населения из Сибири известны давно и хорошо. Причина оттока населения из Западной Сибири — повторю — отставание ее по комплексу жизненных условий. Некоторые различия я привел. Можно было бы сказать и о других.

С народнохозяйственной точки зрения, Сибирь, особенно Западная Сибирь, нуждается в существенном притоке населения. Этого притока можно достигнуть, изменив соотношения жизненных уровней населения восточных и западных районов страны. В тех

районах, где не хватает трудовых ресурсов вообще, в Западной Сибири в частности, люди должны жить лучше, чем в трудоизбыточных районах. Есть много неустраняемых или трудноустраняемых нежелательных условий жизни в Сибири. Значит, в других отношениях сибиряки должны иметь преимущества. Такие, чтобы они компенсировали и перевесили недостатки. Это не «льготы», как обычно говорят, а **компенсация**. Многие уже делается – районные коэффициенты к зарплате, первоочередность повышения заработной платы и т.д. Нужна комплексная политика регулирования миграции населения Сибири.

Чтобы уменьшить отток сибирского населения, надо стимулировать переселение из села молодежи там, где в сельских местностях имеется избыток трудовых ресурсов. Таких районов в стране много. Это Белоруссия и Западная Украина, Молдавия и Северный Кавказ, Закавказье и Средняя Азия, автономные республики Поволжья и некоторые другие районы. В 1970 году чистые миграционные потери населения сибирским селом составили 35 человек на 1000 жителей, а в Средней Азии — всего 5 человек. В результате сельское население Сибири за год уменьшилось на 3 процента, а сельское население Средней Азии почти на 3 процента увеличилось! А ведь большая доля уходящих из Сибири направляется именно в Среднюю Азию.

У меня нет никакого сомнения, что в наших условиях можно чрезвычайно эффективно регулировать миграционные процессы, что можно добиться прекращения оттока населения из Сибири и существенно пополнить Сибирь трудовыми ресурсами за счет населения трудоизбыточных районов.

МЫ ЕДЕМ, ЕДЕМ...*

При нынешней подвижности человек за свою жизнь (в среднем 70 лет) меняет обычно место жительства четыре-пять раз. Подавляющее большинство переездов приходится на тех, кому от пятнадцати до тридцати: таким образом, миграция населения - явление молодежное.

В 1973 году в города страны переехали 9 миллионов 925 тысяч человек; 6 миллионов 373 тысячи – из городов же, 3 миллиона 552 тысячи – из сельских местностей. Сюда вошли и те, кто переселялся больше одного раза в году. Сколько переездов (с изменением адреса) было между селами – точно неизвестно. По результатам последней переписи и некоторым обследованиям можно полагать, что около пяти миллионов. Выходит, общее количество переселений составило 16-17 миллионов.

Из деревни в город

Все больше сельских жителей переезжает в города. Приведем среднегодовые данные за четыре последних трехлетия:

Прирост городского населения за счет села

Годы	Тысяч человек	% к 1962-1964 гг.
1962-1964	1517	100
1965-1967	1555	102
1968-1970	1759	116
1971-1973	1923	127

Таким образом, как видим, среднегодовой отток сельского населения увеличился по сравнению с 1962-1964 годами более, чем на четверть. В 1973 году он составил 18 человек на каждую тысячу сельских жителей. Главное, однако, в распределении оттока по территориям. В Туркмении, Таджикистане и Узбекистане уходило по четыре человека на тысячу, в Белоруссии и России – по 26. Очень немногие покидают села Грузии (6 на 1000), Азербайджана и Армении (7), Киргизии (9), Молдавии (10), куда больше – Казахстана (16), Латвии (17) и особенно – Литвы (24). Таким образом, в РСФСР, Белорусской и

* Литературная газета N 36, 3 сентября 1975 г.

Литовской ССР относительный отток населения из села в 6-7 раз больше, чем в среднеазиатских республиках. В результате численность сельских жителей в одних местах быстро уменьшается, в других – быстро растет. Большое значение в изменении численности сельского населения имеют различия в рождаемости, однако и они часто вызываются миграционными процессами: в местах, откуда активно уходят, мала доля молодых родителей.

Темпы уменьшения сельского населения резко ускорились. Если за одиннадцать лет – с 1959 по 1970 год – оно сократилось на три процента, то за последние четыре года – на четыре. Но процесс этот идет неравномерно: доля РСФСР в сельском населении страны упала за последние 15 лет с 51 до 44 процентов, а Средней Азии, Закавказья, Казахстана и Молдавии – поднялась с 20 до 28 процентов.

В Российской Федерации за 15 лет сельских жителей стало больше в двух районах – на Северном Кавказе (на шесть процентов) и на Дальнем Востоке (на четыре). Зато в Центральном экономическом районе (12 областей вокруг Москвы) оно сократилось на 33 процента, в Волго-Вятском – на 31, в Центрально-Черноземном – на 26, в Западной Сибири – на 24 процента.

Из областей Центрального района меньше всего сельских жителей осталось к 1974 году в Костромской области – 58 процентов от 1959 года, в Ярославской – 61, Тульской – 62, Калининской и Рязанской – по 63 процента. В целом наибольший отток населения пришелся на нечерноземную зону РСФСР.

Часто считают, что уход населения из села – явление только вредное, и с ним надо всеми силами бороться. Тогда начинают удерживать сельскую молодежь и там, где следовало бы поощрять ее уход.

Главный критерий рациональности оттока – состояние баланса трудовых ресурсов. Между тем, в сельских местностях Средней Азии, Закавказья, Северного Кавказа, Молдавии и некоторых других районов трудовых ресурсов много больше, чем требуется народному хозяйству. Кстати, их потому и больше, что они малоподвижны. Однако в ряде районов страны отток сельского населения явно чрезмерен и создает серьезные экономические и социальные проблемы. В нечерноземной полосе СССР, Сибири и некоторых других районах стремление удержать сельских жителей вполне оправдано. По существу, без того невозможен тот подъем сельского хозяйства, который здесь намечен. Но сельская молодежь этих районов станет меньше уходить лишь в том случае, если рабочие места в городах займут юноши и девушки из сел трудоизбыточных районов. Умение «извлечь» из села избыточное население – наиболее эффективный путь сокращения оттока в местах с недостатком работников.

Из малых в большие

Те, кто уходит из села, направляются преимущественно в большие города (более 100 тысяч жителей). Чем больше город, тем он больше притягивает. Особенно привлекают к себе столицы и города-миллионеры. Жители меньших городов стекаются в города более крупные.

Малые и средние города в значительной мере выполняют функции «перевалочных пунктов» при движении сельского населения. Но, кроме того, многие коренные или давние жители меньших городов переезжают в более крупные, а на их место приходят бывшие жители из совсем уже маленьких поселений.

Степень привлекательности города можно установить и по тому, каким оказывается в них прирост населения. В целом в 1973 году на 1000 прибывших в города пришлось 808 выбывших. В целом, таким образом, прирост составил 192 человека; 286 – в городах с числом жителей более полумиллиона и столицах союзных республик и 165 – во всех других, вместе взятых. Разница, как видим, громадная. А в Москве, например, она куда бóльшая – 415 человек, в Тбилиси – 421, в Ташкенте – 444, Минске – даже 526!

Есть и еще одно, как бы косвенное свидетельство притягательной силы больших городов для населения – квартирообменные дела. Если взять предложения об обмене, легко увидеть, что, скажем, Москва и Ленинград относятся к одному «кругу», Харьков, Свердловск, Новосибирск – ко второму, рядовые областные центры (большие города) – к третьему, средние города котируются еще ниже. Двухкомнатная квартира в Москве обычно «тянет» на трехкомнатную в Харькове или Свердловске; двухкомнатная в Свердловске – на трехкомнатную в рядовом большом городе.

Но все это как бы следствия. Основная же причина или, если хотите, обязательное условие роста крупнейших городов – преимущественные темпы роста количества рабочих мест. Это особенно хорошо видно на примере тех населенных пунктов, в которых возводятся уникальные промышленные предприятия. Так, население Тольятти всего за четыре года после переписи 1970 года выросло с 251 до 403 тысяч человек, то есть на 61 процент; население Набережных Челнов (где сооружается КамАЗ) – с 38 до 163 тысяч – более чем в четыре раза. Между тем, все городское население страны за эти четыре года выросло всего на десять процентов. Хотя за эти четыре года в стране возникло около двухсот новых городов и поселков городского типа, численность населения всех городских поселений размером до 100 тысяч жителей увеличилась всего на шесть процентов, а число жителей городов от 100 до 500 тысяч и от 500 тысяч до двух миллионов – на 14 процентов в каждой из этих двух групп. Таким образом, ярко выражен

процесс концентрации городского населения. Стоит еще отметить, что малые и средние города растут преимущественно тогда, когда входят в состав больших городских агломераций.

Из района в район

Большинство переселений происходит в рамках крупных экономических районов – около трех четвертей, однако потоки между экономическими районами тоже велики. Интенсивнее всего передвижения идут между соседними районами.

В последние годы наблюдается большой приток переселенцев на Дальний Восток. Его население за четыре года выросло на 9 процентов, в то время как по стране в целом – на 3,8, а по РСФСР – на 2,2 процента. С большой охотой перебираются люди на постоянное жите-бытье в южный район Украины и Прибалтику: растет за счет миграции население Средней Азии.

Миграция сводит на нет почти весь естественный прирост населения Урала и около половины прироста в Западной Сибири. Правда, в Западной Сибири быстро растет население Тюменской области (девять процентов за четыре года), особенно Ханты-Мансийского национального округа (34 процента!), где добывается почти вся сибирская нефть. Но хотя сюда приезжают люди практически из всех районов страны, большинство составляют выходцы самой Западной Сибири и Урала – они легче адаптируются к суровым жизненным условиям района.

В целом в результате межрайонной миграции происходит сдвиг населения СССР на юг.

Нетрудно видеть, что состояние межрайонной миграции населения не вполне соответствует задачам экономического развития страны. Нередко приток населения ощущается там, где имеется избыток трудовых ресурсов, отток – из тех районов, где трудовых ресурсов не хватает...

В последние годы многое делается для того, чтобы руководить стихией миграционных процессов вообще, межрайонных передвижений – в частности. Больше внимания уделяется улучшению условий жизни населения районов, где недостает рабочих рук. В восточных, северных и некоторых других районах введены так называемые районные коэффициенты к заработной плате, которые теперь получают здесь все рабочие и служащие (раньше – в отдельных отраслях). Повышение заработной платы начинается также с восточных, трудонедостаточных районов. Предусмотрены преимущественные темпы жилищного строительства для привлечения и закрепления переселенцев в этих районах.

Социалистическое общество имеет все условия для оптимизации наших перемещений. Это существенный резерв развития народного хозяйства страны.

ОБГОНЯЯ ГОРОД?..*

Раньше село чаще покидали парни, теперь – девушки. В деревне не хватает невест! Возвратился парень из армии: специальность есть, работы сколько угодно... а вот жениться – проблема!

Маленькая картинка как раз из Калининской области, о которой у нас пойдет речь.

«Исполком Зубцовского райсовета собрал данные по двенадцати сельским Советам: в течение двух лет вернулись после службы в армии в родные деревни 87 парней. Половина из них женилась. Но каждый третий нашел невесту в городе и переехал к ней. Вторая же половина – 43 человека – ходит в холостяках.

Председатель колхоза «Память Кирова» Алексей Александрович Егоров был весьма озабочен:

- Вернулись из армии одиннадцать ребят, шестеро оженились, взяли зоотехника, акушерку, ветфельдшера, учительницу. Пятерым же невест нет. Во всей округе – ни одной на примете. Вот и дрожу: похолостякуют годик, да и убегут».

Это – из книги И. Васильева «Я люблю эту землю», выпущенной в 1977 году издательством «Советская Россия».

Писатели и социологи единогласно утверждают, что на город «настраивает» девушек в первую очередь семья, особенно – мать. Это писали о сибиряках Л. Иванов и П. Ребрин, о тверяках – Ю. Черниченко и только что цитированный мною И. Васильев. Как говорит последний, мать «годами убеждает и готовит дочь искать счастье на стороне». Специальное социологическое обследование, проведенное в Орловской области (то есть на юге Нечерноземья) показало, что более половины сельских женщин желает, чтобы их дети жили в городе, и лишь 30 процентов готовят детей к деревенской жизни. Судя по результатам этого же обследования, женщины относятся к сельской жизни значительно хуже мужчин.

Почему бы все это?

Тому немало причин, остановлюсь на той, которую считаю основной.

По массовому и тщательному статистическому обследованию, проведенному в ряде областей России, преимущественно в Нечерноземье, колхозница даже в летнее время тратит на домашний труд значительно больше времени, чем на работу в общественном хозяйстве, а общая недельная трудовая нагрузка достигает 88 часов, то есть 12-13 часов

* Литературная газета N 3, 17 января 1979 г.

ежедневно, включая воскресенье. Соответственно, свободное время составляет у нее всего 11 часов в неделю против 24 у городской работающей женщины.

Жительница села затрачивает массу времени и сил на то, чтобы принести воду, истопить печь, нагреть воду, то есть сделать все то, чем живущие в городе давно не занимаются. Да плюс к тому у нее подсобное хозяйство – огород и сад, корова и поросенок, овцы и птица. Наверное, там тоже есть резервы экономии времени. Но подсобное хозяйство для сельского человека в нынешних условиях необходимо, так что сегодня говорить мы будем об уменьшении объема домашних работ, поскольку здесь многие затраты труда можно исключить. Если, конечно, иметь благоустроенный, оснащенный современным инженерным оборудованием дом.

Разговор не новый. Как правило, он обрывался на том, что села мелки и что делать центральное отопление в деревне на тридцать дворов нецелесообразно. А они бывают и еще меньше. И тогда ставится вопрос о концентрации сельского населения: мол, в поселке на две-три тысячи человек и центральное отопление можно иметь, и водопровод, и газопровод, и...

Вот это и есть главный довод сторонников сселения. Потому что дальнейшая логика такого рода приводила к мысли об экономичности многоэтажных домов, да еще и собранных на небольшой площади, - какими дешевыми будут коммуникации!

Ну а нужны ли деревне, даже самой современной, эти самые «коммуникации»?

Подавляющее большинство наших проектировщиков почему-то думает, что деревня должна повторить путь города. В городе центральное отопление – и в село его давай. Газопровод в городе – и его давай. Дорого? Заменим баллонами!

Если идти таким путем, в село будет поступать только то, что уже устаревает в городе, от чего город начинает отказываться. В жилых домах Москвы, Новосибирска и других городов в массовом масштабе ставят теперь кухонные электроплиты вместо газовых, а в селе еще только мечтают о газе. Хотя как раз в селе-то электроплита даст куда большую экономию времени, чем в городе.

Это, конечно, только пример. Суть же дела заключается в том, что для полного инженерного оборудования деревенского дома, для создания в нем всех необходимых удобств совсем не обязательно проводить в село все городские коммуникации. Достаточно одной – электрокабеля. Сельский дом можно и – глубоко убежден – должно полностью электрифицировать. Электроплита на кухне, электроподогрев воды в ванной, электроохлаждение, воду качает индивидуальный электромотор из собственной микроскважины и т.д.

Да, этого еще нет даже в городе. Но почему бы селу в некоторых отношениях не обогнать город? Обойти, срезав углы, не повторять длительный его путь и те эффективные методы оборудования жилья, которые эффективны лишь в условиях громадной концентрации потребления. Одно дело – котельная и центральное отопление для городского района со ста тысячами, совсем иное – для поселка в пятьсот жителей. Этот вопрос особенно важно решить сейчас, когда строительству собственных домов на селе уделяется столь пристальное внимание, когда начинают на это выдавать семьям кредиты и ссуды.

Несколько раз бывал я в прекрасном агрогороде колхоза «Большевик» под Новосибирском. Да, все городские удобства. Но эксплуатация трехкомнатной квартиры в нем стоит более семидесяти рублей в месяц. Почему? Да потому, что все «коммунальные службы» лилипутские, людей требуют много, а в колхозе, где средний заработок составляет более 170 рублей в месяц, работникам сферы обслуживания платить тоже надо хорошо.

«Как же ваши колхозники, даже при их заработках, столько платят?» - спрашиваю председателя. «Да так: пятьдесят рублей колхоз принимает на себя, а остальное платит колхозник».

Если создавать удобства «городскими» методами, то в селе они неизбежно будут дороги. А кроме того, за них придется заплатить и сельскими преимуществами, скажем, тем же приусадебным участком (при усадебной застройке неизбежно удорожание удобств, ибо коммуникации сильно растягиваются). Нужны свои, сельские методы. Бытовые неудобства и трудности деревни можно кардинально преодолеть только путем полной электрификации сельского дома!

Известны возражения против этого: «А где взять столько энергии? А где необходимое электрооборудование?»

Ну, количество электроэнергии определяется вложениями в электроэнергетику. Можно больше вкладывать в газовое хозяйство или в электростанции. Можно, соответственно, производить котельное оборудование и можно – электрооборудование. Кстати, на отопление домов – а это единственно большие затраты энергии – может в значительной мере пойти избыточная энергия в «провальных» частях суточного графика потребления. Разумеется, все это требует расчетов и расчетов, но думаю, что обычно выставляемые трудности сильно преувеличены. Кстати, из литературы хорошо известно, что в развитых капиталистических странах сельские дома очень часто сооружаются с полным электрооборудованием, включая отопление, а уж считать капиталисты умеют...

Время от времени встречается и у нас электрооборудование – правда, самодельное и обычно очень несовершенное, но вполне удовлетворяющее тех, кто им пользуется. Один председатель колхоза на Львовщине рассказывал мне, что кузнец соорудил для него электрокотел с тремя электродами. И теперь ему не надо возиться с углем, нет грязи, да и обходится электроотопление, по его словам, дешевле.

Справедливости ради надо сказать, что сторонников полной электрификации сельского дома пока мало. Об этом как-то не думали. Вот и в Калининне пришлось мне не раз услышать, что это-де не проблема, а проблема – некомплектная поставка котельного оборудования, и вот если ее решить!.. Ну и что? «Медленно и трудно идет в наших краях строительство центральных поселков, - пишет И. Васильев. – Не дождавшись казенной квартиры, уезжают люди из неперспективных селений в города...»

Переход на полную электрификацию сельского дома мог бы многие «неперспективные» поселки сделать вполне перспективными. При полной электрификации дома размер поселка неважен – все мыслимые удобства могут быть и в отдельно стоящем доме.

Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О дальнейшем развитии строительства индивидуальных жилых домов и закреплении кадров на селе», в котором идет речь о сооружении благоустроенного жилья, издано в полном соответствии с буквой и духом Основного Закона нашей страны. Оно будет, несомненно, иметь самое благотворное влияние на перестройку села и обеспечение сельского хозяйства Нечерноземья рабочей силой. С выполнением этого постановления надо спешить, ибо продолжение тех демографических тенденций, которые были характерны для Нечерноземья в последние годы, может привести к большим трудностям.